

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ СЛОВА В ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена анализу специальной литературы относительно проблемы выделения существенных признаков слова в лингвистике. Рассмотрены взгляды ведущих учёных на центричность слова в системе языка.

Ключевые слова: слово, лексическая номинация, критерии выделения основных признаков слова.

Слово как языковая единица нуждается в соответствующем своей природе определении, которое бы отмежевало его от ближайших низших и высших в иерархии языковых единиц, то есть от морфемы и предложения, а в потоке общения сделало возможным бы аргументированное отмежевание его от соседнего слова. По-прежнему, остаётся **актуальной** в лингвистической и лингводидактической науке проблема *центричности слова в системе языка*.

Цель статьи состоит в анализе специальной литературы относительно проблемы выделения существенных признаков слова в лингвистике.

А.А. Реформатский [6] в книге “Введение в языковедение” писал *о сложности определения слова*, ссылаясь на готовность многих лингвистов отказаться от этого понятия вообще. Так, находим у автора в подразделе “Слово как предмет лексикологии” указанного источника ссылки на мнение известных лингвистов [6]. Например, Ф. де Соссюр писал: “Понятие слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка... Не в слове следует искать конкретную единицу языка” [8, с. 107]. Его ученик, Ш. Балли, еще решительнее высказывался против слова: “Понятие слова считается ясным; на деле же это одно из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании.<...> Необходимо освободиться от неопределенного понятия слова” [1, с. 315]. Не менее скептически, замечает А.А. Реформатский, о слове писал и американский лингвист Э. Сепир: “Первое наше побуждение – определить слово как языковой символ, соответствующий отдельному понятию. Но... подобное определение немыслимо” [7, с. 26]. Л.В. Щерба говорил и в лекциях для студенческой аудитории, и в научных публикациях, что он не знает, что такое слово: “В самом деле, что такое “слово”? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия “слово” вообще “не существует”. Выдающийся лингвист подчёркивал, что в каждом конкретном языке слово характеризуется своими особенностями и что нужно обращаться к множеству самых разных и самых экзотичных языков, а не только европейских.

Реальность в языке слов и их очевидность интересно показаны в книге Э. Сепира “Язык”: “Языковой опыт <...> непререкаемо показывает, что <...> не бывает ни малейшей трудности осознать слово как психологически нечто реальное. Неопровержимым доказательством этого может служить тот факт, что у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому лингвисту текста на родном языке слово за словом...” [7, с. 27]. И далее: “<...> мне приходилось обучать толковых молодых индейцев письму на их родных языках <...> Я

их учил только одному: в точности передавать звуки...” [7, с. 28]. Но при этом Э. Сепир смог убедительно показать на материале множества языков (и особенно америндских) трудности отграничения слова от смежных явлений [7].

Слово и его семантика изучаются на сегодняшний день в терминах “слово как фонетическая и семантическая единица”, “грамматическое и фонологическое слово”, “слово как морфема и семема”. В.В. Виноградов уместно замечает: “При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробиться на множество разновидностей слова. Появляются “слова фонетические”, “слова грамматические”, “слова лексические”. В.В. Виноградов ввел представление о двойственности слова в научную парадигму и предложил различать два понятия и два термина – “слово” и “лексема”, то есть лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или форма слова и слово”. Роберт Ладдо в статье “Лингвистика поверх границ культур” [5] обращает внимание на чрезмерное внимание к словам как таковым при пренебрежении произношением и грамматической структурой, что, по его мнению, не соответствует современному лингвистическому образу мыслей. Тут же автор замечает, что *не уместно и игнорирование существования слова как реальной единицы языка* [5, с. 226].

Значимым для характеристики основных признаков слова является определение слова, данное Л. Блумфильдом в его работе “Язык”: “Свободная форма, которая целиком складывается из двух (или более) менее крупных свободных форм, как, например, *roog John*, или *John ran away*, или *yes, sir* представляет собой словосочетание (*phrase*). Свободная форма, которая не является словосочетанием, представляет собой слово. Слово, следовательно, – это свободная форма, которая не сводится полностью к (двум или более) менее крупным свободным формам... *Слово – это минимальная свободная форма*” [2, с. 178].

Цельнооформленность, семантическая и структурная целостность слова предопределяет ещё одно его определение: “Слово – это минимальная единица значения, реализуемая определённой последовательностью фонем и способная перемещаться в пределах предложения”.

Одним из существенных признаков слова является *остаточная выделимость* [4]. Если применительно к одному из компонентов сочетания установлен по какому-либо критерию статус слова, то другой компонент сочетания также выделяется остаточно как отдельное слово, вне зависимости от того, отвечает ли он соответствующему критерию определения слова. Например, в словосочетании “англо-русский” компонент “русский” может употребляться в качестве высказывания, поэтому, согласно критерию употребляемости в качестве высказывания, должен считаться самостоятельным словом. Компонент “англо-” не может использоваться как высказывание, тем не менее, по принципу остаточной выделимости, за ним также должен быть признан статус слова [4].

По существу, принцип остаточной выделимости исходит из того, что сочетаться друг с другом могут только единицы одного уровня, поэтому уже самим рассмотрением сочетания данных единиц утверждается их принадлежность к одному и тому же уровню. Следовательно, достаточно доказать, что хотя бы одна из них принадлежит к уровню слов, т. е. является словом, тогда относительно другой этот вопрос решается автоматически. Практические возможности принципа остаточной выделимости не следует, однако, переоценивать, хотя бы, потому что большинство известных критериев выделения слов (допустимость вставки, наличие цельнооформленности) основаны на операциях, применяемых к обоим компонен-

там сочетания одновременно. Таким образом, фактически редко приходится устанавливать лексическую самостоятельность одного компонента, не доказывая одновременно лексической самостоятельности другого [4].

Как следует из изложенного выше, имеющиеся *критерии выделения основных признаков слова (цельнооформленность, семантическая и структурная целостность слова, остаточная выделимость и свободная воспроизводимость в речи)*, не являясь универсальными, “отражают сущность слова как единицы языка и являются лингвистической основой определения слова в качестве учебной единицы” системной работы над словом в диадах “слово – слово”, “слово – словосочетание”, “слово – предложение”, “слово – текст”.

В отечественном языкознании эта проблематика нашла отражение в изучении характера лексической и грамматической абстракции, в определении “меры” лексического и грамматического в слове и в языке в целом. О взаимодействии морфологического и синтаксического в языке через слово говорит такое понятие, как “*внутрисловность выражения значения*”, которое и объясняет разграничение морфологии и синтаксиса.

В современной лингвистике, как отмечает В.В. Теркулов, это различие оформилось в различие двух статусов слова – “статуса слов-названий, или слово-ономатем, и статуса синтаксических слов, функционирующих в предложениях, или слов-синтагм”. Слово-ономатема – это тот самый “теоретический” “знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений”.

Слово-синтагма (глосса), замечает учёный, – это явление речи, конкретная речевая единица с конкретизированной системой значений и созначений и соответствующей им формой выражения, а слово-ономатема – это языковая сущность, представляющая собой совокупность таких глосс, объединённых по определённым признакам [10].

Противопоставление языковой и речевой номинации – это, в первую очередь, и есть противопоставление языковой (инвариантной) и речевой (вариантной) единиц и установление механизма реализации первой во второй. В этой ситуации, следовательно, уместно синкретичное использование термина “номинация”, дающее возможность объединить процесс и результат в единый статико-динамический комплекс [10].

Такая трактовка очень близка предложенной в свое время Г.В. Колшанским интерпретации номинативной единицы через процесс номинации. Учёный определяет последний как “закрепление за языковым знаком понятия (сигнификата), отражающего определённые признаки денотата: свойства, качества и отношения предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации”.

Н.П. Тропина в монографии “Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование” [11] указывает на интерпретацию различения типов номинации: “Деление номинаций на языковые и речевые (коммуникативные) ориентировано, в первую очередь, на разграничение знака виртуального и знака актуального, на разграничение процессов виртуального и актуального означивания”. Е.А. Селиванова в продолжение сказанному замечает, что “фиксация знаком предмета происходит в конкретных актуализированных знаках, в речи. Виртуальный знак в лексической системе фиксирует нечто иное”. Именно виртуальным знаком следует считать то, что традиционная лингвистика называет словом-ономатемой, то есть языковым лексическим инвариантом номинации, что, собс-

твенно, и “фиксирует виртуальный знак”, а актуальным (актуализированным) – словом-синтагмой, в котором осуществляется конкретный акт номинации, определенный потенциями слова-ономатемы [10].

А.А. Уфимцева в книге “Лексическая номинация (первичная нейтральная)” попыталась свести основные характеристики, средства и условия акта знакообразования, предопределяющие языковой статус словесного знака, в таблицу (см. табл.), хотя в этой же работе исследовательница замечает “... содержание словесного знака не только трудно изобразить графически, но столь же трудно охватить языковым сознанием” [12, с. 27]. В словесном знаке, по мнению исследователя, находят своё выражение, сопрягаясь, но не совпадая, отношения двух разных объектов: 1) единицы и семиологические значимости собственно языковой системы; 2) отражённые объекты реальной действительности и их сложные отношения друг с другом [12, с. 28]. Из этого следует, подчёркивает автор, *важное свойство словесного знака – “способность одновременно (симультанно) обозначать и отображать реальный мир во всех сложностях предметов, явлений и их отношений”* [12, с. 29].

Таблица

Содержание словесного знака

№ п/п	Свойства словесного знака (по А.А. Уфимцевой)	Экспликация средств и условий знакообразования (по А.А. Уфимцевой)	Особенности словесного знака
1	Словесный знак материален	Последовательность фонем и/или графем	Знаковая основа значения (понятие, представление о предмете)
2	Имеет значение (двусторонняя сущность)	Цепочка фонем должна быть наделена опосредованным содержанием, значением (первичное означивание)	Непараллельность двух сторон знака в недискретных фактах языка: в полисемии, омонимии (одно означающее – несколько означаемых); синонимии и полилексии (одно означаемое – несколько означающих)
3	Имеет системный характер	Означивание формы знака происходит только в рамках определённой системы (микросистемы) языка	Системная зависимость слова (парадигматическая значимость)
4	Социален по природе и по употреблению	Словесный знак создаётся, принимается и используется всей языковой общностью	Дифференциальная природа обеих сторон языкового знака, асимметрия и историческая непрерывность знака
5	Обладает свойством условного раздражителя	Связь формы знака с его значением опосредована сознанием, закреплена в памяти и автоматизирована до степени условного рефлекса	Недискретный характер означаемого, различие в структурной организации элементов, составляющих означающее и означаемое, произвольность знака
6	Выполняет сигнальную функцию	Словесный знак есть сигнал первых сигналов действительности, т. е. наших представлений о предметах материальной действительности	Слово в отношении к объективной действительности (обозначение)
7	Выполняет сигнификативную функцию	Выражает понятие класса предметов, храня одновременно добытые о предметах, подпадающих под этот класс, знания	Смысловая структура слова с опорой на прямое номинативное значение (семантическая производность)
8	Выполняет идентифицирующую функцию в коммуникативных целях	Словесный знак как репрезентирующий предметы, идентифицирует их и служит основой вторичного означивания, способствуя формированию коммуникативных единиц	Семантическое приращение в речи (синтагматическое соединение смыслов)

Определение слова как языковой единицы и его понимание представителями разных лингвистических школ исторически изменялось. В истории индийской языковедческой мысли внимание исследователей вначале было обращено на слово, но уже в древнеиндийских грамматических трудах исследовалось членение слова на его значимые части, т. е. стали выявляться элементы морфологической структуры слова.

В античной (средиземноморской, греко-римской) языковедческой традиции и вслед за этим на протяжении многих веков в европейском языкознании в центре внимания стояло слово. В конце XIX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ объединил такие элементы в строении слова, как корень, суффикс, флексия (окончание), префикс (приставка), под общим именем морфема [3; 52]. Впоследствии этого понятия слова и морфемы стали центральными в грамматическом анализе и привели к появлению размышлений о словоцентрическом и морфемоцентрическом подходах, у каждого из которых есть свои положительные моменты. Как утверждает И.П. Сусов, “психологически носитель языка скорее выделяет слово, чем морфему. Для него слово конкретнее, а выделение морфемы требует определённых аналитических действий. <...> Для лингвиста-аналитика морфема представляет собой более определённый в своих границах объект, и этим понятием удобнее оперировать в описании мало изученных языков. Для лексикографии важнее понятие слова” [9, с. 60].

Исследователь, характеризуя специфику словоцентрического и морфемоцентрического подходов в современной лингвистике, выделяет сходства и различия между словом и морфемой. *Под словом* обычно понимается минимальная значимая единица языка, которая *в функциональном плане*: а) прежде всего, является основной номинативной единицей языка и предназначена служить чаще всего прямому называнию отдельных элементов опыта (предметов, качеств, свойств, состояний, действий, оценок и т.п.; ср.: *стол, студент, умный, рослый, дремать, рубить, отлично*), а также отсылке к этим элементам опыта (*вышеназванный, этот, я, здесь, сейчас*) или выражению отношений между элементами опыта (*и, к, для*); *в структурном плане*: б) вступает в синтаксические связи с другими словами в данном словосочетании и предложении; в) во многих случаях представляет собой возможный минимум предложения и берёт на себя функцию члена предложения (*Что он пил утром? – Чай.*); г) обладает позиционной самостоятельностью и, соответственно, способностью перемещаться в пределах словосочетания или предложения, отделяться словом или словосочетанием от предшествующего или последующего слова. Признак б) отличает слово от морфемы, которая сама по себе не способна вступать в синтаксические связи в предложении или словосочетании, а также от компонента сложных слов. Слово оказывается минимальным звеном предложения, носителем синтаксических связей. Признак в) обладает слишком большой диагностической силой. Этому требованию отвечают лишь слова знаменательные (полнозначимые), но из перечня слов исключаются слова служебные (неполнозначимые, грамматические). Признак г) подчеркивает, что слово представляет собой минимальный свободный знак [9, с. 61].

Под морфемой (во французской лингвистической традиции в этом случае употребляют, вслед за Андре Мартине, термин “монема”) обычно понимают минимальную значимую единицу языка, которая: *в функциональном плане*: не вступает сама по себе в качестве номинативной единицы и может лишь соучаствовать в сочетании с другими морфемами в образовании номинативных единиц: *чай-ник, при-город, вы-сып-а-ть*; *в структурном плане*: не обладает названными выше формальными признаками слова б), в), г); может являться одной из состав-

ляющих слова (в случае многоморфемного слова) или же совпадать в своих линейных границах со словом (в случае одноморфемного слова) [9, с. 61].

Итак, И.П. Сусов, определяя и слово, и морфему как минимальные знаки языка, уточняет, что при этом слово характеризуется как минимальный свободный знак, а морфема признака “свободный” лишена. В отношении слова можно говорить о его членении на более элементарные значимые единицы, т. е. о его морфемной структуре (даже и в том случае, когда слово одноморфемно; ср: *но, уже, здесь, и, однако, у, в, за*). Морфема же не членится на более элементарные значимые единицы. При сегментации высказывания на знаки она вычленяется как конечная составляющая, как предельный знак [9, с. 62].

Выводы. На основании приведённых выше рассуждений И.П. Сусова относительно общности и разности слова и морфемы в контексте словоцентрического и морфемоцентрического подходов следует подчеркнуть актуальность мнения Ф. де Соссюра о том, что “слово, невзирая на все трудности, связанные с определением этого понятия, является единицей, что неотступно появляется перед нашим умом как *что-то центральное в механизме языка*” [8, с. 290].

Список использованной литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : [пер. с рус.] / Шарль Балли. – М., 1955. – С. 315.
2. Блумфилд Л. Язык / Леонард Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
3. Бодуэн де Куртэне И.А. Избранные труды / Иван Александрович Бодуэн де Куртэне. – М., 1963. – Т. 2. – 277 с.
4. Касевич В.Б. Элементы загальної лінгвістики / В.Б. Касевич. – М., Наука, ГРВЛ, 1977. – 183 с.
5. Новое в зарубежной лингвистике. / [сост. В.П. Нерознака ; общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака]. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. – 440 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение : учебник [для вузов] / Александр Александрович Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : [пер. с англ.] / Э. Сепир. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 656 с.
8. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр ; [пер. с фр. А.М. Сухотина ; под ред. и с прим. Р.И. Шор]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание / Иван Павлович Сусов // История языкознания : учеб. пособ. для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – 144 с.
10. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В.И. Теркулов / [науч. ред. М.В. Пименова]. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 306 с.
11. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультпарадигмальное исследование / Нина Павловна Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
12. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / Анна Анфилофьевна Уфимцева // Вопросы языкознания. – 1962. – № 4. – С. 36–46.

Статья поступила в редакцию 23.09.2012.

Курінна А.Ф. Проблема виділення істотних ознак слова в лінгвістиці

Стаття присвячена аналізу спеціальної літератури відносно проблеми виділення істотних ознак слова в лінгвістиці. Розглянуті погляди провідних учених на центричність слова в системі мови.

Ключові слова: *слово, лексична номінація, критерії виділення основних ознак слова.*

Kurinnaya A. Problem of extraction of substantial features words are in linguistics

*The article is sanctified to the analysis of the special literature in relation to the problem of extraction of substantial features of word in linguistics. The looks of anchorwomen of scientists are considered to *центричность* of word in the system of language.*

Key words: *word, lexical nomination, criteria of extraction of basic features of word.*